

Константин Чубич

Свадьба в Беляевке

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Чубич

Свадьба в Беляевке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63397193

SelfPub; 2020

Аннотация

Все конечно же помнят Остапа Ибрагимовича Бендера, красавца мужчину, великого комбинатора, а по совместительству отменного жулика. В «Двенадцати стульях» он погибает от рук Кисы Воробьянинова, но потом чудесным образом появляется на улицах славного города Арбата, чтобы продолжить свои приключения. Было бы жалко с ним попрощаться ровно на том месте, где заканчивается «Золотой теленок», – на берегу пограничной реки, правда, с советской стороны. И это обнадеживает. Уже давно нет Советского Союза, но последователей у Остапа Ибрагимовича предостаточно, совсем как детей у лейтенанта Шмидта. Сударкин Владимир Константинович, он же Вениамин Бортник- Коновалов, он же Жульдя-Бандя, который, заметим, является внучатым племянником великого комбинатора, – один из них. Есть у него и свой Шура Балаганов, которого теперь зовут Фунтик. Та еще парочка, а действие, как водится, начинается в Одессе, где острят даже на похоронах. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Казачья свадьба в федеративной Беляевке	4
Глава 2. Лёгкий философский экспромт на тему деревни и пролетарской свадьбы	10
Глава 3. Безумный поступок Жульди-Банди. Друзья в федеративной Беляевке	18
Глава 4. Непрошенные гости	27
Глава 5. Поздравительная речь посланника короля Иордании – Абу Ашурбанипала Махтум ибн аль Бахрума	32
Глава 6. Чудесное превращение Жульди-Банди из непрошеного гостя в тамаду	52
Глава 7. Поздравление тихопомешанного Дон Кихота с первой Беляевки	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Константин Чубич

Свадьба в Беляевке

Глава 1. Казачья свадьба в федеративной Беляевке

Слева, метрах в двухстах, через поле дозревающей, с ошестинившимися колосьями озимой пшеницы расположился хутор из одного ряда домов. Правый край хутора схоронился за буйной зеленью лесополосы.

В одном из домов, огороженных по старинке плетнём, скопление пролетариев свидетельствовало о чём-то грандиозном. Пёстрые одежды на казачках говорили о том, что предстоящая гулянка отвергает статус поминального события. Народоскопление в казачьих хуторах имеет под собой только две причины: за здоровье или за упокой.

Дом – высокий квадратный, внушительных размеров, под шифером, окрашенный розовой краской, что могли позволить себе только зажиточные крестьяне, – обманчивым величием покорял глаз. На самом деле, сложен из самана, что сокрыла новомодная «шуба».

Иные крыты по-древнему, камышом. Они были узкими и длинными, с пристроенными лабазами да сенниками.

– У меня такое подозрение, что там сегодня будет весело, – выглядывая в проём приспущенного окна, не без основания предположил Жульдя-Бандя.

– Кому весело, а кому и не очень, – посочувствовал Фунтик, в большей степени не себе, а другу, который был на десять лет младше, с неистощимой бурлящей энергией.

В какой-то момент в розовом доме почувствовалось оживление. Народ дружно повысыпал на улицу, устремив взоры туда, где за лесополосой укрылась часть хутора.

Оттуда стал слышен истеричный вой автомобильных сирен, истошным визгом заполняющих пространство. Вой нарастал. Во дворе кто-то пальнул из дробовика, отчего революционно настроенная толпа, будто по сигналу, заулюлюкала, загигикала, засвистела, закричала.

Из-за леса вынырнула, влекомая парюю лошадей, тачанка с претензией на летнюю карету. По такому случаю безобразно измалёванная яркими красками, в пёстрых лентах, с бантами даже на колёсных спицах. На тачанке восседали жених с невестой, фата в семь локтей которой развевалась на ветру, как пролетарское красное знамя во время военного парада.

Кучер флагманского экипажа – молодой франтовый казак в тельняшке и бескозырке с чёрными ленточками, стоял во весь рост, с тем чтобы подчеркнуть явление себя народу.

Он стеганул коней плёткой, дабы вызвать лёгкий ажиотаж среди хуторян. Впрочем, у праздничной процессии этим он вызвал противоположные чувства. Захлёбываясь от клубов

дорожной пыли, все дружно и каждый по отдельности вспоминали его ни в чём не повинную родительницу.

За тачанкой – председательская чёрная «Волга», которую с трудом добыли в соседнем районе. «Волга» на деревенской свадьбе, да ещё и чёрная – это была несбыточная мечта колхозника. Детище Горьковского автозавода также в пёстрых лентах и бантах.

За «Волгой» – жигулёнок первой серии, синего цвета «Москвич-412» и два невзрачных горбатых запорожца, которые не были удостоены ни бантов, ни лент. К передним бамперам зазиков привязали разноцветные шары, половина которых полопалась. На суровых нитках безрадостно трепыхались огрызки.

Следом – «Беларусь» с начинённым пролетариями прицепом. Те истошно визжали и улюлюкали. Тракторист постоянно оборачивался, опасаясь, чтобы кто-нибудь из пассажиров сдуру не слетел с кузова.

Завершал процессию небольшой табунчик байкеров на мотоциклах, мопедах и веломоторчиках, оставлявших после себя густое серое облако пыли, перемешанное с сизыми клубами выхлопных газов.

Согласно табели о рангах табунчик возглавляла святая троица явистов, на лицах которых сохранялся отпечаток гранитной монументальности, будто они сопровождали генерального секретаря ЦК КПСС. В руках пассажира, того, что посередине, на держаке от лопаты весело трепетал кумачо-

вый флаг.

Свадебный кортеж приближался к месту дислокации. Кучер, натягивая вожжи, осадил прыть животных, дабы те не проскочили мимо.

Оглобли флагманского экипажа, с супружеской парой на борту были обмотаны зелёной фольгой, что на данном историческом отрезке, на хуторе, да и в окрестностях, считалось аристократической блажью. Фольгу добыли в Тарасовке, на молокозаводе, где она применялась в качестве крышек для кефирных бутылок.

На спине у тёмно-гнедого с подпалинами жеребца ажурной тесьмой закрепили куклу, символ вытекающих из этого последствий. Кукла – в голубом воздушном платице, с улыбкой, отображающей счастливое детство всех кукол на свете. Жеребец, мотая головой, вздрагивал всем телом, обороняясь от въедливых мух и оводов.

В одной упряжи с жеребцом – пегая кобыла с белым чулочком на передней правой ноге. Хомут был украшен венком из стеблей пшеницы, символизирующим благополучие. Колосья пшеницы, по-видимому, щекотали шею животного, и кобыла, всхрапывая, стригла ушами и нетерпеливо била копытом. А может, ей хотелось, чтобы её разнуздали, освободив от этих осточертевших удил, чтобы можно было спокойно пощипать травки.

Вездесущие мальчишки, отталкивая друг дружку, цеплялись за задний борт тарантаса, дабы увековечить себя в рас-

сказах о героической поездке на свадебной тачанке.

Почётный кортеж «причалил» к квадратному дому, и из сарая один за другим стали взмывать в небо голуби, чего не было предусмотрено сценарием торжества. Всё это были проделки Нахалёнка, племянника невесты, который для эффекта бросил в голубятню кота.

Фунтик, с интересом взирающий за происходящим, прокомментировал:

– Торжественная сдача пи...ды в эксплуатацию.

Жульдя-Бандя хихикнул, впервые услышав столь ёмкое лаконичное и убедительное определение. Наблюдая за айсбергом материала, также не смог остаться равнодушным к событию:

– Невесту переспелых лет берёт тамбовский наш поэт (А. Пушкин). Жениться нужно на сиротах, Фунтик, – поучал он. – Адам был одним из тех счастливцев, у кого не было тёщи, да и Ева, заметим, не познала ядовитых желёз свекрови...

Тамбовского поэта, впрочем, с лёгкостью заменил Жорка Матюхин – слесарь со свинофермы, что через речку, в Атаманске. Забегая наперёд, скажем, что жених был невысокого роста и ещё более низкого интеллекта, женоподобный, с отсутствием какой-либо растительности на лице: прыщавый и слащавый до отвращения.

Жорка был патологическим неудачником и из двух зол непременно выбирал худшее, о чём и перешёптывались бабы у колодезя. Он не брезговал самогоном, а потребивши, ста-

новился злым кусачим зверьком. Находил обидчиков, коими являлись все, кто называл его Манюней, получал по морде, и с фингалами под глазами лицо его обретало более мужественные черты.

Единственным человеком, кому дозволялось употреблять это унижительное прозвище, была Сильва, Татьяна Сильченко – сочная стройная казачка. Она была на полголовы выше и на шесть лет старше. Нынче, правда, Татьяна Сильченко стала уже Матюхиной – Жоркиной женой.

Она не любила Манюню. В Жорке ей нравилось только приданое. Отдельная хата в самом престижном районе хутора, возле колодца, полуторагодовая тёлка, два валуха, мотоцикл «Минск», с которым она лихо управлялась, три поросёнка да тысяча двести рублей деньгами. На это, впрочем, ни одна дура на хуторе и в его окрестностях не позарилась....

Глава 2. Лёгкий философский экспромт на тему деревни и пролетарской свадьбы

Жульдя-Бандя с упрёком подумал о том, что ни разу не был на свадьбе тамадой. На секунду он представил себя в этом качестве. Ему стало немного неудобно перед собственной биографией за то, что он – великий мастер словесной импровизации, так и не был удостоен чести стать свадебным распорядителем.

Он с отвращением созерцал свой лик, отражённый в оконном стекле. Он стал противен самому себе, по большей части оттого, что какой-то хам, пошляк и выскочка станет тешить себя вниманием к своим дешёвым, изъеденным веками прибауткам и тостам, зачатым с первой выпитой человечеством рюмкой, пошлым анекдотам, смысл которых постигается коллегiallyно.

Жульдя-Бандя почувствовал, как в нём закипает и просыпается тамада. Его нисколько не смущало то, что он лишь смутно представлял себе обряд жертвоприношения, когда свободу меняли на традиции. Утонув в собственных фантазиях, он не слышал, что сказал Фунтик, а лишь улыбнулся и кивнул, вызвав у дружка лёгкое подозрение. Потому что тот спросил: «Который час?»

Жульдя-Бандя ощутил пробуждение в себе великого мастера оригинального жанра и немного философа, хотя крестьяне вряд ли приемлют эту диалектическую материю. Впрочем, он явно себя переоценивал, поскольку в этом качестве мог претендовать разве что на помощника тамады.

– А вы знаете, кто был самым известным серийным убийцей?

Фунтик кинул недоумённый взгляд на дружка, поскольку смерть и свадьба были разнополюми понятиями.

– Мендельсон. Под его свадебный марш были загублены миллионы жизней.

Для подтверждения своих слов ветреный пассажир, просунув голову в щель окна, стал насвистывать похоронный марш, по-видимому, для жениха, по безвременно ушедшей свободе.

Фунтик усмехнулся:

– Шо-то у вас сегодня симфоническое настроение.

– Лишь бы не камерное.

Друзья рассмеялись, нарушая устойчивую дремоту и покой купейного вагона. Перемена эмоций нисколько не заглушила в нём ответственного распорядителя торжества, который доминировал над прочим: рвался из груди к розовому дому, к народу, к пролетариям, к гарным строптивым казачкам, в конце концов.

Тамада в нём рычал, ревел, кричал, стремясь высвободиться из заточения, грызя невинную душу, не желая быть

погребённым в душном вагоне пассажирского поезда.

Жульдя-Бандя уже вынашивал вступительную речь, начинённую азартом, задором и юмором, чего, он был уверен, будет не доставать на казачьей свадьбе.

– Предчувствуя последствия фатальные – заказывайте кольца обручальные (Д. Байрон), – прокомментировал он, обращаясь к Фунтику. – Без меня там будет скучно, – предположил неугомонный пассажир, отправив сочувствующий взгляд к розовому дому, где полным ходом шло десантирование со всех видов транспорта, в том числе и гужевого, с женихом и невестой на борту.

Невеста, не дожидаясь милости от природы, а тем паче от суженого, ловко выпрыгнула из тачанки, взяла его под руки и, не обращая внимания на фотографа, требующего запечатлеть исторический момент, повела во двор. Фотограф, дабы честно исполнить свой долг, стал грудью на пути молодой четы, заставив их остановиться.

Деревенский шут и балагур Хома, подкравшись сзади жениха, приставил к его голове рожки из указательного и среднего пальцев. Пальцы у Хома были короткими и кривыми, и рожки получились не очень эффектными, хотя именно эта фотография, по мнению сексуального большинства, и получилась самой впечатляющей.

– Надо ехать в деревню, видит бог. Деревня, мой юный друг, – источник мироздания, – Жульдя-Бандя похлопал юношу, который был на десять лет старше, по плечу, – пра-

родитель любого города, и в том числе Одессы, вскормившей вас своей воровской грудью.

Фунтик хихикнул, охотно принимая обвинение.

– Человек – раб утилитаризма!..

Дружок согласительно кивнул, понимая сие как нечто связанное с утилизацией.

– ...Он порабощён мелкособственническим подходом к жизни: голубые унитазы, бассейны, жакузи и жалюзи, бары, кофеё в постель – всё это от лукавого! Голубой унитаз радуется глаз: жопа к нему равнодушна. Если бы унитазы умели говорить, жопа узнала бы о себе много нового. А ты знаешь, чем отличаются богатые от бедных?

Дружок равнодушно поднял плечи, предположив всё же:

– Баблом.

– Разница между богатыми и бедными в том, что у первых более дорогие памятники, – Жюльдя-Бандя секундной паузой отметил стоимость афоризма. – Я лично, – он обозначил себя рукой, – нисколько не прельщусь тем фактом, что меня похоронят в гробу из палисандра.

Фунтик хихикнул, что предопределяло какую-нибудь гадость:

– Тебя зароят как бешеную собаку... – он силился преувеличить величину сарказма. – В ящике из необструганных досок... и без креста...

Товарищ, не обращая внимания на поддёвки, продолжил тему деревенского бытия:

– А здесь, Фунтик, здесь истинная жизнь, первобытная, не обременённая цивилизацией. В деревне жизнь чиста и размеренна. А какой чудный воздух, – он полной грудью вдохнул протискивающегося в приоткрытое окно вагона знойного воздуха, продолжив монолог:

– Здесь весёлый, честный и открытый народ. Здесь веселятся и бьют морды друг дружке, искренне и без злости. Тебя когда-нибудь били просто так, без этих истеричных политических воззваний: «Бей вора!», «Гаси мерзавца!», «Мочи сволочь!»? – Жульдя-Бандя посмотрел на дружка, по большей степени определить реакцию на свои философские испражнения. – Здесь корм из натуральных продуктов, и люди пьют экологически чистый самогон.

Фунтик скривился, памятуя об этом чистом, свободном от генетических посягательств продукте.

– Деревня, друг мой, от бога, а город – от дьявола! Ты живёшь двадцать лет на одной площадке с соседями и не знаешь, как их зовут...

– Одну – Скумбрия, а другую – Роза Люксембург, вечно митингует на Потёмкинской лестнице.

Магический полёт мысли прервал поезд. Издав победный клич, он, грохоча вагонными сцепками, тронулся. Протащив несколько метров, остановился, раздражая пассажиров, кроме, пожалуй, одного, нашедшего в этом сюжете, который мог пролететь за одно мгновение, нечто одушевлённое и интригующе-притягательное.

В этот момент из соседнего купе, визжа и заливаясь смехом, выбежал малыш, стремглав помчавшись в сторону туалета. За ним устремилась молоденькая белобрысая мамаша в коротком голубом махровом халатике, угрожающе хлопая в ладоши:

– Догоню, догоню, догоню!

Это на какое-то время отвлекло Жульдю-Бандю от происходящих за окном событий. Он, улыбаясь, констатировал:

– Дети – это маленькие мерзавцы, и родители начинают понимать это, когда ребёнок перестаёт пить молоко и начинает пить кровь. У меня такое подозрение, что нас там будет не хватать, во всяком случае, меня уж точно, – вновь вернулся к происходящему за окном Жульдя-Бандя, пристально взирая на деревенскую свадьбу. – Господь неспроста остановил эту механическую сороконожку именно в этом месте и в этот час. Всевышний не желает лишать ни в чём не повинный народ моего могучего интеллекта. Собирайся! – приказал он тоном, не допускающим возражений.

– Жулик, ты шо, с дуба рухнул?! – Фунтик посмотрел на кореша в надежде, что это очередная шутка. – Это через почему мы должны выползать в этой дыре? Через потому, шо тебе захотелось трахнуть колхозницу?!

– Фунтик, а ты когда-нибудь пробовал колхозницу? – Жульдя-Бандя с упрёком посмотрел на дружка.

– Пробовал, жирноватая, – явно соврал товарищ, стыдливо уронив глаза.

Жульдя-Бандя тем временем выпрыгнул из штанов спортивного костюма. Перескакивая с ноги на ногу, «нырнул» в джинсы и, застёгивая пуговицы рубашки-безрукавки, стал мурлыкать, возможно, вдохновляя самого себя:

– Смело мы в бой пойдём за власть Советов и, как один, умрём в борьбе за это (ремейк, А. Колчак)...

Фунтик не только умирать, но и получать по морде от воинственных донских казаков не имел ни малейшего желания. Он краешком надежды полагался на то, что разум взбалмошного друга возобладает над бредовой идеей – непрошеными гостями ввалиться на деревенскую свадьбу, в самое логово пролетариев. Понимая, что это уже не шутка, он, стал нехотя собираться, рассчитывая на то, что поезд тронется, разрушив планы неугомонного друга.

Жульдя-Бандя кинул улыбчиво-витиеватый взгляд на бывшего узника яснополянской «здравницы»: – Не грусти, Фунтик! Гульнём пару дней и поедем дальше. Мы не можем оставить на произвол судьбы целую деревню, а может, даже две! Я не позволю превратить свадьбу в поминки! Что ты видел в своей пустой никчёмной жизни? Ты не был ни разу на деревенской свадьбе!

– Кретин! – бурчал Фунтик, не представляя повода, с которым они появятся на свадьбе. – Естественно, с мозгами поспорился, чувак.

Двери в тамбуре были заперты. В соседнем вагоне, к его удовлетворению, тоже.

– Подозрительно всё это, – зная врождённую халатность проводников, заподозрил самое страшное потенциальный гость, потенциальность которого, эта хрупкая материя, висела на волоске. В предпоследнем вагоне дверь, правда, на другую сторону, оказалась незапертой.

Глава 3. Безумный поступок Жульди-Банди. Друзья в федеративной Беляевке

Обойдя состав, беженцы спустились с насыпи. По пыльной дороге, соседствующей с железнодорожным полотном, вышли к тропе. Стёжка вела к колодцу, разделяющему хутор, неподалёку от розового дома. Вдалеке, за речкой, под горой с обгрызенным меловым боком, виднелось поселение.

Извилистая тропа, утонувшая в бархатном покрывале дозревающей пшеницы, привела к старому дубу, рядом с которым – длинная жердь с перекладиной на стойках. К короткому толстому концу бечёвкой был привязан камень, а на другом болталась цеберка на цепи, нацеленная на невысокое, в два локтя, круглое жерло из камня.

– Колодец системы «журавель», – толкнув ведро, пояснил, сведущий в этих вопросах Жульдя-Бандя.

Фунтик не без основания волновался, когда друзья вышли на финишную прямую. Ладонки покрылись холодным потом, в точности как перед романтическим свиданием со следователем.

Хутор, в котором молодожёны сочетались пролетарским браком, назывался Беляевкой. Беляевка делилась на три субъекта, являя собой полноценную федерацию.

Первая Беляевка, состоящая из дюжины домов, находилась в версте от средней.

Средняя, – с полусотней домов, где и происходили события, разделялась с первой

колхозным полем, восточную часть которого ежегодно арендовали у колхоза корейцы:

под кауны и цибулю.

Посреди поля, на холме, расположилось кладбище, которое осенью неизменно

распахивали и хуторянам, перед Пасхой, дабы привести в порядок могилки, приходилось

протаптывать тропинку, матеря тракториста Хому, коему не хотелось лишний раз

поднимать борону.

Впрочем, в деревне хоронили крайне редко, принуждая покойников и родственников к утомительному путешествию в Поповку. Там какая-никакая церквушка: деревянная, древняя и убогая, с батюшкой Валерием, своим мощным раскатистым басом доводившим до исступления богомольных старух.

К тому же, в Пасху на кладбище в Поповке было многолюднее и интереснее. Люди съезжались с окрестных хуторов: из Дячек, Мокроталовки, Мосаловки, Каюковки, Атаманска и, естественно, из федеративной Беляевки...

Между средней и третьей Беляевкой – речка Глубочка, узкою лентою крадущаяся в камышах, делала кульбит. Сю-

да неизвестно откуда завезли песок, организовав хуторской пляж. Сюда же на обеденную дойку пригоняли стадо коров. Коровы, спасаясь от жары и оводов, весь свой заслуженный перерыв проводили по самую шею в воде.

Тут же сновала, ныряла и бултыхалась детвора, несколько не смущая крупнорогатых монстров. В июльскую жару идиллическая картина у излома речки напоминала эпоху Возрождения. Место это хуторяне называли Стойлом, и оно было излюбленным для всех: от мала до велика. Летом на Стойле до утра не умолкали казачьи песни и лихие игрища.

Нарушая законы пропорциональности, между второй и третьей Беляевкой, в тени огромных верб, укрылся дом отшельников Цындриных – один из всех построенный «мордой» к речке. Цындрины, старик со старухой, нажили себе единственного непутёвого сына, который не прижился в деревне, предпочитая городскую тюрьму.

Старый был наивен до безобразия, и его окончательной точкой зрения на те или иные международные события была та, которую проповедовали по телевизору.

В третьей Беляевке жили по большей части железнодорожники, свою сторублёвой зарплатой вызывавшие открытую зависть и скрытую ненависть колхозников. Железнодорожники же, в свою очередь, завидовали колхозникам, дено и ночью тащившим со свинофермы комбикорм, поэтому свиньи в лабазах хуторян были справные и ленивые, в отличие от поджарых, возвращаемых коллективно.

Впрочем, это жёсткое и обличающее слово крестьяне заменили на вполне демократичное – «носить». Получалось, что комбикорм со свинофермы они не крали, а носили. Государство обворовывало крестьян, выплачивая нищенское пособие, поскольку зарплатой это назвать было бы слишком громко, а колхозники «обносили» государство.

Этот паритет между государством и пролетариями существовал долгие годы, до тех пор, пока государство, не желая более быть обворованным крестьянами, не уничтожило корень зла – колхозы. Свой колхоз «Рассвет» крестьяне называли «Сорок лет без урожая», хотя он был вполне успешным и прибыльным...

...Итак, наши подопечные оказались в самом фешенебельном районе, в центре федеративной Беляевки, у колодца, куда бабы приходили посплетничать, а заодно и набрать питьевой воды.

Средняя Беляевка была длиною в полкилометра. Кое-где видны проплешины заброшенных хатёнок. В восьмидесятые годы произошла городская лихорадка. Крестьяне, уставшие получать за свой рабский труд жалкое пособие или трудовни, стали массово мигрировать в города.

Они, опасаясь, что вслед за налогами на фруктовые деревья, поросят, коров и овец, последуют налоги на гусей, кур, голубей, а возможно, на крыс и мышей, являющихся полноправными членами любого крестьянского хозяйства, стали покидать богом проклятую землю...

Фунтик, зная тяжёлый нрав донских казаков и искренне сомневающийся в благополучном исходе дня, остановился в надежде отрезвить сумасбродного товарища:

– Ну и шо ты будешь им базарить?..

Жульдя-Бандя хихикнул:

– Тебя я представлю королём Иордании – Мухамедом-вторым.

– А там же сейчас, кажись, не Мухамед?

– Ну... тогда губернатором острова Сомбреро или, на худой конец, районным уполномоченным по правам колхозников.

Фунтик скупо улыбнулся, зная, что крестьяне обладают единственным правом – пахать и сеять. Он шёл, как жертва на заклятие, и его единственным желанием было вернуться в душный вагон поезда, который всё ещё стоял, будто дожидаясь своих ветреных пассажиров.

Он опять остановился, оставив на лице открытую форму неприязни:

– Послушайте сюда, Жулик! Шо я имею вам сказать. Шо если вас будут немножко бить, я буду много делать ноги! А шо бы ви хотели, шоб меня совсем убили из-за какого-то идиёта?! Шоб я перестал бить живой только потому, что какому-то... – Фунтик хотел сказать что-то оскорбительное, но дружок был на полголовы выше и шире в плечах. – Видит бог, нас обоих утопят в этом колодце... системы «журавель», – он кивнул в сторону единственного источника питьевого

водоснабжения на хуторе.

– Тебя могут, а меня вряд ли, – Жульдя-Бандя был весел, беззаботен и хладнокровен. – Топить в колодцах мыслителей уже давно вышло из моды. Прошли времена инквизиции, когда философов поджаривали на кострах, как люля-кебаб...

– Философ хренов! – язвительно бросил Фунтик.

– Стой! – Жульдя-Бандя остановил его, придав пальцу восклицательное положение. – Ты что-нибудь слышишь?!

– Ну орут... и что?

– Нет, ты ничего не слышишь. Ты не способен услышать мелодии запахов! – вынес обвинительный приговор мыслитель.

Из жерла трубы куреня, крытого почерневшей от времени камышиной, ветерок приносил неистребимый запах горелого кизяка, от которого, чего греха таить, никакой мелодии не исходило. В хатёнке проживали «три девицы»: баба Нюра, названная девицей условно, с двумя неискусобрачными, предбальзаковского возраста дочками.

– Это эротический запах горящего кизяка. А вы знаете, что такое кизяк?! –

представитель вымирающего отряда глубокомыслящих индивидов посмотрел на приятеля так многозначительно, будто вопрос касался тригонометрических функций.

– Сушёное говно! – обнаружил знание предмета Фунтик.

Нечаянный ветерок вслубил дорожную пыль напротив хатёнки с камышовой крышей, толкая серый бездушный ко-

лобок вдоль дороги.

– Нет, это нетленный символ торжества человеческого разума, – философ двинулся вперёд, на ходу продолжая дискуссию. – Только высшее сознание, которым, как мы видим, наделены бескорыстные труженики полей и огородов, способно из скотских испражнений получить тепловую энергию. Но ваше дерьмо, дражайший, сколько его ни поджигай, гореть не станет. Оно пригодно, разве что, для разведения опарышей. – Жульдя-Бандя сорвал свесившийся на дорогу колосок пшеницы и, расшелушивая мягкие незрелые зёрна, попробовал на вкус, выбросив остальные.

– Из вашего говна, гадам буду, вряд ли будут производить детское питание! – раздражённо заявил пессимистично настроенный дружок.

– Так что у нас с капустой?

– У меня, – уточнил Фунтик, подчёркивая свою значимость и в не меньшей степени низкую ликвидность пустой болтовни философа-самозванца, – тыща двести цветной и полторы белокочанной...

– Давай сто баксов... и всё будет в ажуре. Мы же не можем ввалиться на свадьбу без подарков?!

– Хватит и полста...

– Да ладно, не жмись!..

Выскочившая из подворотни рыжая, со свалывшейся на животе шерстью собачонка прервала диалог. Она с ожесточённым остервенением набросилась на пришельцев, пискля-

вым, захлёбывающимся лаем заявляя свои права на территорию. Дворняжка, согнав со своей вотчины посторонних, с чувством выполненного долга помчалась прочь, равнодушно виляя хвостом, не желая рвать глотку за остальных.

Жульдя-Бандя принял ассигнацию, сложил вдвое, схоронив в заднем кармане брюк.

– Как всё запущено, – поражаясь убогости провинции, тяжело вздыхая, констатировал Фунтик.

– А вы думали, здесь быки во фраках пасутся?..

...Огороженный плетнём розовый дом находился рядом. Ворот во дворе не было. Слева плетень обнимал низенькую выбеленную кухоньку, справа – дом, пожалуй, самый величественный на хуторе.

На углу дома из земли произрастал высокий погреб, стены которого также были покрыты цементной «шубой». Стены не удостоились покраски, безликим серым монолитом демонстрируя унылую пресную крестьянскую действительность.

Между домом и кургузенькой кухонькой – широкий проход, заросший лебедой, которую к свадьбе скосили, отчего вдоль плетня остались лишь коротенькие пенёчки. Длинная широкая скамья на улице свидетельствовала о радушии хозяев, легко переносивших хуторские посиделки.

Беззаботные, отъевшиеся на колхозных харчах воробьи, оттого и жизнерадостные, весело чирикали, купаясь в дорожной пыли.

У плетня, рядом со скамейкой, в тени огромных, как скворода, листьев лопуха молча скорбели по своему кочету Самураю куры. Устроившись в овальных лунках, периодически вздрагивали от блох и вьевшихся под кожу клещей-кровососов.

Самурая давеча задавил на «ковровце» Упырь – Витька Самохин, за то, что тот клюнул его в интимное место. Упырь клялся и божился, что Самурай сам кинулся под колеса, иначе дорога на свадьбу ему была бы заказана.

Впрочем, он и на самом деле серьёзно пострадал: левое яйцо у него распухло и отливало фиолетом, как созревающий баклажан. Упырю соболеznовали даже больше, чем несушкам, утратившим павшего за любовь пернатого рыцаря.

Бабы принимали чужую боль, как свою, а он, желая к себе сострадания, тем, кто помоложе, показывал увечье. И сердобольные соседки в качестве обезболивающего выделяли великомученику поллитру самогонки.

Глава 4. Непрошенные гости

Жульдя-Бандя легко, как в тёплую июльскую воду, ступил на территорию частного крестьянского владения.

Ступил и Фунтик, но тяжело и осторожно, как на взявшуюся коркой навозную жижу. Чуть поодаль, вполне доверяя своему сумасбродному взбалмошному другу получить по морде первому. Он нервно озирался, стараясь найти наиболее лёгкий и безопасный путь к отступлению. Предпочёл держаться ближе к правой стороне плетня, в проходе, уводящем в глубь двора.

Сиганув через плетень, можно было пересечь палисадник по диагонали. На пути, однако, стояла рукотворная преграда из нескольких кустов роз. Потом снова через плетень, а там – спасительное поле пшеницы. Фунтик настолько увлёкся идеей бегства, что иной исход казался ему из разряда чудес.

Косоуры под навесом крыльца к свадьбе уладили резьбой, которую сотворил, по пятёрке за каждую, Бурбурыч – Новосельцев Борька, Борисыч по отцу. За что и получил такое прозвище.

В честь грандиозного события, дабы подчеркнуть величину торжественности, на крыльце дома прикрепили красное знамя, позаимствованное в сельсовете. На нём – лик вождя мирового пролетариата, вышитый золотой нитью, и серп с молотом в объятиях снопов пшеницы. Полотнище окаймле-

но жёлтой бархатной тесьмой с кистями.

Двор к свадьбе очистили от «бисквитов», произведённых коровой Изаурой и тёлкой Розалиндой. Изаура, культовая корова, была стара, но на зависть всему хутору давала по три цеберки молока в день. И это из года в год переносило её «экскурсию» на бойню.

Латиноамериканские слезоточивые сериалы проникли и в этот, богом забытый казачий хутор, отрывая пролетариев от суровой действительности. Мудрые правители стали кормить народ мыльными операми, заставляя баб плакать не над собственной хронической нищетой и безысходностью, а над вымышленной, импортируемой из-за океана...

...В свадебных приготовлениях более остальных усердствовал Упырь, неся трудовую повинность за убийство Самурая. Перетаскал со двора в сарай уголь, вычистил в хлеву, отремонтировал кормушку для свиней, покрасил собачью будку, а уборную – снаружи и изнутри. Заодно потравил опарышей, изрядно залив проклятых соляжкой.

Отпас два дня хуторское стадо: за Изауру и Розалинду. Да так разохотился, что, ко всему, перевёз ко двору скирды сена за лиманом, за что Веркой Матюхиной, мамашей жениха, был полностью реабилитирован и, поговаривают, щедро вознаграждён. Как сплетничала соседка баба Нюра, старшая из «трёх девиц», «Верка Упырю на радостях зализала все раны», имея в виду нанесённые Самураем.

Гости, а их было никак не меньше полутора сотен, в пол-

ной боевой готовности нетерпеливо дожидались от тамады приказа «повторить». Предстояла самая сложная и ответственная часть обряда, и гости должны были быть подготовлены к расставанию с деньгами.

Столы занимали всё пространство между домом и лабазами. Выстроенные буквой «ш», с женихом, невестой, другом и дружкой на лобном месте и VIP-персонами из близких родственников и тех, от кого ожидали щедрого подарка. Все три ряда, начинённые пролетариями, стыдливо и покаянно пристыковывались к VIP-перешейку.

Жених в малинового цвета вельветовом костюме белой кляксой на чёрном покрывале выделялся среди прочих.

В малиновых костюмах в те времена расхаживали представители незаконных организованных преступных группировок. Их так и прозвали – «малиновые пиджаки». Нынче они поменяли малиновые костюмы на чёрные и статус: влившись во властные структуры, стали законными ОПГ...

В каждом ряду, согласно табели о рангах, гнездились пролетарии. На первом, возле дома – бесчисленные родственники со стороны жениха и невесты, кое-кто из сельсовета да начальнички со свинофермы. На втором – высокопоставленные хуторяне и из соседних деревень: в основной своей массе аксакалы с жёнами и почётные крестьяне.

Третий ряд соседствовал с хлевом и был приуготовлен для прочих. Основную массу представляла молодёжь, из которой редко кто находил смелость подарить червонец. Они взяли

моду дарить коллективно: два червонца на троих – дёшево и сердито...

Появление незнакомцев крайне удивило жениха с невестой, как, впрочем, и всех присутствующих. Допрашивать пришельцев, однако, было бóльшим неприличием, нежели тем вваливаться без приглашения.

Жульдя-Бандя, сообразно событию, цвета и сияя, как майская роза, сделал лёгкую паузу, преумножая величину любопытства у присутствующих.

Гости со стороны жениха, включая и его самого, признали в пришельцах, во всяком случае, в том который рослее, моложе и увереннее, дальнего родственника невесты. Невеста же в нём родственных уз не обнаружила, и ей, вместе со своими гостями, ничего не оставалось, как принять противоположную точку зрения.

Никто спросить не отважился, по большей части оттого, что, возможно, незваные гости могли быть вовсе не гостями, а присланными из района с поздравлениями и напутствиями молодожёнам.

Молодёжь в поисках лёгкой жизни взяла моду перебираться в город, без капли сожаления покидая родные пенаты, сирота землю-матушку и родной колхоз...

Все с напряжением ждали развязки.

– Сотни полторы, не меньше, – подумал Жульдя-Бандя, окинув взглядом мирное население, среди которого было чуть меньше воинственных казаков, с удовольствием бы по-

чесавших кулаки о его благородное лицо. – Промедление смерти подобно (В. Ульянов), – выдвинул он гипотезу, которую, как ему показалось, какой-то интеллектуальный старатель имел наглость выстрадать до него.

– Больше двух сотен, – в объятиях страха предположил Фунтик.

За столами воцарилась пронзительная тишина, будто виновниками торжества были не молодожены, а покойник.

Мыкола Семенихин, сожитель Верки Матюхиной, матери жениха, хотел полюбопытствовать и для этой цели открыл было рот. Но та с усердием стукнула его локтем в бок, поскольку не желала видеть Монгола, как его прозвали за узкий разрез глаз, хозяином в своей хате.

Мыколе позволялось разевать рот только в трёх случаях. Для еды. Чтобы хвалить Веркину стряпню перед соседками-сплетницами. И просить о помиловании или снисхождении, когда надирался с мужиками и возвращался в родные пенаты, мягко говоря, не очень трезвым.

Глава 5. Поздравительная речь посланника короля Иордании – Абу Ашурбанипала Махтум ибн аль Бахрума

– Здоровэньки булы... дорогие казаки и казачки! – Жульдя-Бандя поклонился в пояс, приветствуя хуторян, ответивших радушными пролетарскими улыбками доброжелательному пришельцу.

– Булы, – согласилась злоупотреблявшая жизнью, 93-летняя Устинья, прабабка невесты и бесчисленному множеству неблагодарных потомков приходилось терпеть её долголетие в ожидании какого-никакого наследства.

Она была самой пожилой в округе, и по ней в сырых могилах уже давно скучали предки. В девственности у неё осталось три зуба, которые она по воскресеньям баловала зубным порошком, перед тем, как отправиться на заутреню в поповскую церквушку.

Фунтик, более походивший на делопроизводителя при молодом самоуверенном мужчине, молча поклонился, не имея шансов соперничать с неиссякаемым темпераментом товарища.

– Дамы и господа!.– Жульдя-Бандя, как конферансье сто-

личного цирка, одарил всех, включая и долгожительницу Устинью, которую за истекший век дамой назвать никто не решился, белозубой, удивительно откровенной и располагающей улыбкой.

Мария Коноплёва, агронома дочка из Дячек, невысокая, смазливая, курносая, с роскошной, до пояса, косой, неисправимая хохотушка, которую прозвали Марихуаной, толкнула в бок Хому, хуторского шута:

– Господин!

Они залились высоким собачьим лаем, найдя в этом повод для веселья.

Валерка Гальцов, двоюродный брат жениха, хихикнул:

– Хома – своей жопе господин!

– Валерка, как родственник, по статусу должен был гнездиться в конце первого или на втором ряду, но пожелал среди молодёжи...

Хома – Сергей Трофимов, курчавый, как ягнёнок, и такой же глупый тридцатилетний детина, жил с матерью на краю средней Беляевки, возле кладбища. Работал трактористом в колхозе и осенью становился чрезвычайно популярным на хуторе. За вспашку огородов брал самогоном. Одинокие бабы, ежи в теле и нестрашные, расплачивались натурой.

«Три девицы», исключая мамашу, конечно, рассчитывались по очереди, дополняя слухи феерическими рассказами Хома. На хуторе, да и в окрестностях, перезревшего парубка любили за неистоимый, по-детски наивный глупый юмор

и высокий лающий колоратурный от природы смех.

Мозг хуторского шута никогда не был отягощён мыслями. Он включался только тогда, когда необходимо было что-нибудь придумать, чтобы найти выпивку. Следует заметить, что он приводил в действие свои извилины и в случае крайней нужды, когда трещала по швам голова и возникала необходимость опохмелиться.

Хома заключал в себе полное собрание недостатков, как полное собрание сочинений упокоенного вождя мирового пролетариата. Единственным положительным качеством его, впрочем, был неиссякаемый оптимизм. Он с оптимизмом смотрел не только в будущее, но и в пустое, никчёмное и безотрадное прошлое...

—...Леди энд джентльмены, колхозники и колхозницы... и лица, приближённые к председателю! Дорогие граждане и старушки! – возмутитель спокойствия направил взор с сияющей неотразимой улыбкой к виновникам торжества, руками помогая обозначить их месторасположение. – Дорогие молодожёны, кузнецы маленьких пролетариев...

– А можэ, воны выкують прынса! – нарочито громко, дабы быть услышанным, предположил старый Ларин, которого на хуторе прозвали Капиталистом. Его дом хоть и уступал по размерам розовому, под шубой, в котором происходили описываемые события, зато был из новомодного силикатного кирпича, с шиферной крышей и вызывал у хуторян неприкрытую зависть.

– ...Мы прибыли к вам от короля Иордании Абу Ашурбанипала Махтум ибн аль Бахрума с почётной миссией – поздравить молодых, я имею в виду жениха и невесту, – пояснил Жульдя-Бандя, чтобы кто-нибудь моложе легендарной бабки Устиньи не принял это на свой счёт. – Со вступлением в гражданский брак! Мы, от имени его высокопреосвященства короля Иордании Абу Ашурбанипала... – временный королевский поверенный от волнения позабыл полное имя монарха, решив ограничиться лишь прологом, – намерены вручить эту скромную ассигнацию... молодожёнам!

Он гордо вознёс «пригласительный билет», удивляя гостей и родственников столь щедрым подарком...

Даритель, в котором королевского посланника признала только выжившая из ума бабка Устинья, нарушив традицию, начал поздравление с себя. Нисколько, впрочем, не задев собственного достоинства первоочередников – родителей молодожёнов.

Он, как святыню, вознёс стодолларовую купюру. Сияя, как золотой динар, направился к виновникам торжества. Фунтик, счастливый от того, что всё складывается так удачно и что ежели их и будут бить воинственные казаки, то не сейчас, последовал за приятелем.

Невеста торопливо встала. Потащила за рукав валуховатого жениха, который доселе с долларами не встречался и с конвертируемостью валюты был знаком не больше, чем атеист со вторым пришествием Иисуса Христа.

Потомки ветхозаветных неискусобрачных Адама и Евы, роли которых прекрасно исполнили закреплённые брачными узами Авраам и Сара, стояли во всеоружии, готовые приступить к реализации элементов обряда посвящения в семейную рутину. Жених глупо улыбался, периодически, как любопытная сорока, вертя головой. В улыбке невесты угадывался лёгкий минорный холодок.

– Сегодня посвятить молодожёнов в семью, как мы видим, пришло очень много народу, – Жульдя-Бандя жестом обозначил это, проведя рукой от края дома до сарая, где на скамьях гнездились пролетарии третьей категории. – Я... мы желаем, – поздравляющий виновато улыбнулся, позабыв о Фунтике, – чтобы ваш союз был надёжным...

– ...как ДТ-75, – вставил Хома, работающий в полеводческой бригаде на одноимённом железном труженике, и захихикал вместе с Марихуаной, с которой делить эмоции порознь не мог.

– ...как сбережения в швейцарском банке!. Чтобы в вашей хате всегда...

– ...были сало и самогонка, – перебил сосед Хмель – Ванька Хмелевской, трудившийся на маслобойне в Атаманске...

У него были принципы прокурора, мораль гиббона, потребности миллионера, возможности советского социалистического раба, образование неоконченное среднее.

Хмель купался в лучах популярности, и к нему со всей

околоу денно и ношно стекались просители за макухой для своих вентерей и самоловов из ивового прута. Его и прозвали за это Ванька Макуха. Уступал, разве что, Насте Жирновой из Мокроталовки, к которой тоже стекались, только по иному поводу...

– ...был корм... или, правильное сказать, еда, – Жульдя-Бандя посвятил сельским труженикам лучезарную улыбку. – Все самые высокие чувства разбиваются о стенки вопиющего желудка!..

Тут невеста что-то шепнула дружке, и Жульдя-Бандя с удивлением отметил, что они похожи, и только одежда создает некоторый контраст.

Тотчас же ему и Фунтику поднесли тарелку с четвертованным солёным огурчиком и по рюмке водки. Водкой, кстати, на свадьбе потчевали лишь избранных – почётных гостей да близких родственников, словом, обитателей перешейка для VIP-персон. Могли себе позволить водку и гости по соседству, но уже контрабандно.

Фунтик глупо улыбался, обезумев от счастья, от того, что отпала необходимость в побеге и, что казаки не такие воинственные, – за период полувековой коллективизации, утратившие свою историческую сущность.

Жульдя-Бандя вознёс рюмку, которую крестьянам заменила «дочка» гранёного стакана:

– Свадьба – это ритуальное заклинание свободы и похороны холостяцкой жизни, – оратор обвёл гостей умиль-

ной улыбкой, по большей части, чтобы зафиксировать перед сельчанами торжество интеллекта. – Брак – это рабство по согласию, одна из разновидностей домашнего ареста. Выражаясь словами классиков, «Война и мир» или «Наказание без преступления».

Жених глупо улыбался, поскольку речь незваного гостя чем-то смахивала на эпитафию.

Жульдя-Бандя после коротенькой паузы обнял присутствующих солнечной улыбкой:

– По поводу открытой русской души ходят легенды! О размахе русских свадеб говорят так: «Молодые уже разошлись, а гости ещё гуляют!» Так пожелаем гостям разойтись раньше!

Верка Матюхина, мамаша жениха, кисло улыбнулась, понимая, что сие из разряда «очевидное – невероятное».

– Пользуясь случаем, я хотел бы дать наставление молодым! – Жульдя-Бандя сделал паузу, с тем чтобы подобрать что-нибудь соответствующее моменту. – Помните! – он придал голосу торжественной грациозности, в точности, как иерей, призывающий паству к смирению и всепрощению. – Злые языки страшнее пистолета (А. Грибоедов)!

– Конечно, страшнее, – прощebetала Глухариха, мамаша Насти Жирновой, которую мужики любили, но никто не отваживался заслать сватов.

– Море житейское подводных камней преисполнено!
Фунтик, едва сдерживая смех, добавил про себя:

– Аминь.

Дружок больше походил на проповедника, нежели на же-
нолюба, что несколько противоречило его конституции.

– Супружество – это одна из форм узаконенной тирании,
и если у котят глаза открываются на пятый день, у молодо-
жёнов – на следующий.

– У Манюни они не откроются никогда, – шепнула Нин-
ка Кудасова молодежи Каркуше – Рите Ворончихиной, одно-
класснице невесты.

Та, растянув губы, заметила:

– Откукарекался Манюня.

– Живите, прищурившись, как китайцы, чтобы не за-
мечать бытовых мелочей повседневности, – Жульдя-Бандя
прищурился, растянув губы в доброжелательной восточной
улыбке, отчего и впрямь стал похож на китайца. – Медовый
месяц заканчивается, когда заканчиваются средства на его
содержание. Так пусть ваш медовый месяц не закончится ни-
когда!

– Цэ будэ дуже гарно, – схоронив улыбку под копною се-
дых усов, с хитрым прищуром подметил дед Ларин.

– Чтобы жить долго и счастливо, покупайте два телеviso-
ра!

– Тут на усю Беляевку три, – заметил Иван Хмель, у ко-
торого и был один из них.

– А сейчас я хочу сделать наставление невесте.

Та, улыбаясь, облизнула губы и, смахнув с фаты жирную

с зелёным брюхом муху, устремила взгляд, пожалуй, более чем любопытный, на проповедника. Если бы она была сучкой, непременно завилела бы хвостиком.

Жульдя-Бандя уловил этот взгляд, однако не смог прочесть: зелёная ли ассигнация или его обаяние, может великие артистические способности, то ли искромётный юмор смогли породить расположение королевы праздника. Он, сияя, как выигрышная лотерея, продолжал:

– Мужа нужно зануздать, прежде чем погонять!

Невеста, улыбаясь, кивнула, эротично сомкнув реснички.

– Та вона яго вже стреножила, – шепнул Тарзан Марии Макашевой, училке начальных классов из Поповки. Гадливые детишки прозвали её Макакой, хотя она была молода и вовсе не дурна собой.

Тарзан – Федька Беляев из Атаманска, был приглашён в качестве музыканта на общественных началах. Он лихо управлялся с гармошкой и был вполне востребован, что меньше всего радовало жену и тещу.

Поскольку денег за свои концерты не приносил, а проживал на оккупированной территории, у тещи, вследствие чего периодически изгонялся. Тёща была до умиления откровенна, перед изгнанием называя зятя «неблагодарной скотиной».

Отшельничество Тарзан принимал безропотно: устраивался на огромной вербе у речки, на сбитом из досок щите, прикреплённом к расходящемуся в стороны стволу. Сверху

он с уклоном приладил жердины, покрыл камышом, а под себя – соломы.

Питался рыбой, запекая её на углях. Жил на дереве по несколько дней, наслаждаясь античностью своего положения. До тех пор, пока тёща, а именно она всегда была инициатором изгнания зятя, не появлялась самолично под вербой.

Изгонялся он постоянно, исключая зимнее время. Поэтому неизменно подвергал её этой унижительной процедуре, возвращаясь непобеждённым, но изрядно покусанным комарами...

– ...Береги мужа. Мужья на дорогах не валяются!

Лёгкий смех, исходящий преимущественно от представительниц слабого пола, словно потревоженная сапогами охотника осенняя листва, прошелестел за столами, искренне радуя его производителя.

Молодая, хихикнув, похлопала лопухого жениха по плечу, развенчав вековые традиции, по которым невеста под белоснежным покрывалом из кисеи, кружев и шёлка должна была хотя бы в этот день источать кротость, невинность, целомудрие и покорность.

– Помогай мужу мыть посуду, иначе он вынужден будет это делать сам!

Жених нахохлился, всем своим существом выказывая протест и то, что готов стерпеть всё, кроме этого. Жорка в этот момент походил на воинственного воробья, чем искренне рассмешил Марихуану с Хомой. Они залились звонко и

паразитально, инфицируя остальных.

Верка Матюхина, понимая, что насмехаются над её сыном, к тому же ещё и женихом, метнула в их сторону ядовитый взгляд, на какое-то время охладив весельчаков.

– Будь бдительна: если муж стал часто выезжать на рыбалку, возможно, он на крючке у «золотой рыбки».

Хома толкнул локтем Марихуану:

– У бабы Васи.

Безумная парочка задрезбужала, увлекая в свои сети доверчивую молодёжь.

Жульдя-Бандя, взирая на радушие пролетариев, открыто и честно улыбаясь, продолжил:

– А теперь, дамы и господа, с вашего позволения, напутствие жениху!

– Нехай напустует, – прошипела беззубая Устинья, высохшая и древняя, и её одобрение исходило будто из глубины веков.

Для неё с торца стола обустроили кресло, позаимствованное у старого Штыля, который брехал, что оно трофейное и что на нём восседал сам Борман. При жизни «отца народов» Штыль такие остросюжетные заявления делать стеснялся. Он помнил о судьбе Семёна Колодяжного, столяра с МТФ, который от безответной любви к «отцу народов» отрубил 17 лет по 58-й статье.

Его прозвали Фуганычем. Впрочем, многие величали Заслуженным врагом народа. Тело и душа Фуганыча пребыва-

ли в постоянной конфронтации: в душе он был непоседливым ветреным юношей, а тело влачило тяжкое унылое бремя старчества.

Первый раз Семён стал узником Соловецкого монастыря за то, что назвал поросёнка Иосифом, вернее, после того, как Иосифа, уже будучи кабаном, зарезали и сожрали. Потом – Беломорканал за то, что Фуганыч установил вождя, вырезанного из «Правды», в божнице, рядом с иконой Христа-спасителя.

Лик Иосифа Виссарионовича показался учётчику со свинарника Броньке Бурундуку, с которым тотпил горькую, непростительно меньшим, чем лик Сына Божия. Вдобавок ко всему, Бронька положил глаз на его бабу Варенику, смазливую гарную казачку. Бурундук настрочил в НКВД про божницу да приврал ещё о том, будто Фуганыч свернул самокрутку из газеты с ликом Иосифа Сталина и выкурил.

Затем – до боли непростительная ошибка. Всё из-за своей бабу, Вареники, которой сподобилось, дуре, родиться 21 декабря, в один день с вождём. И он, безмозглый баран, при всём честном народе: «Поздравляю мою Вареничку...»

Сначала поздравляют царей, а уж потом холопов. Да и имя его бабу дали, врагу не пожелаешь. Вареника с греческого – «несущая беду»...

Фуганыча уважали во всей округе и почитали как великомученика...

...Жульдя-Бандя, с благословения старухи, продолжил,

переместив взор на жениха. Тот незадолго перед этим опрокинул рюмку водки, смягчился и, казалось, уже готов был стирать тётчины носки.

– Скупой платит дважды, женатый – всю жизнь, – тамада лучезарную улыбку посвятил почему-то невесте. – Брак – это когда ты засыпаешь на груди невинной овечки, а просыпаешься в когтях пантеры.

Невеста изобразила это, впившись кровавыми когтями в малиновый пиджак жениха.

– Решение жениться – последнее, принимаемое мужчиной самостоятельно...

– Совместно с мамой, – шепнула на ухо Семёну Колодяжному Настя Жирнова.

Тамада праздничной улыбкой одарил присутствующих:

– Невеста садится на руки жениху, супруга – на шею мужу. Забудь о демократии в семье: право голоса ты сможешь получить только после зарплаты, – Жульдя-Бандя воскресил указательный палец. – Семья – это когда тебе придётся совмещать звание господина с должностью раба.

Верка Матюхина криво улыбнулась, плохо представляя своего непутёвого Жорку в звании господина.

– Брак – это когда ты, минуя постриг, обрекаешь себя на вечное послушание.

Жульдя-Бандя понял, что никто ничего не понял, поскольку уже три поколения пролетариев было заражено атеистической проказой, и поспешил продолжить.

– Если тебе изменила жена, радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству (А. Чехов)!

Дружка – Ирина Сильченко, близняшка невесты, доселе нейтрально воспринимавшая интеллектуальные потуги поздравителя, взорвалась, как пороховая бочка, размазывая по щекам слёзы, слегка подпачканные тушью для ресниц.

– Если невеста к другому уйдёт, то неизвестно, кому повезёт, – шепнула баба Мыколы Хмеля – Марина, в девичестве Старых, снохе, оставив её мучиться сомнениями, та за красных или за белых.

– Никогда не спорь с женой: переспоришь – сочтёт тебя консерватором, проспоришь – дураком!

– А концэватори – це ти, хто замисто м'яса жруть концэрвы? – поинтересовался Горшок, Митька Гончаров, родной дядя близняшек.

– Це ти, хто заместо консервов жруть мясо, – передразнила Мария Макашева, училка из Поповки, вероятно, одна из немногих понимающая значение этого слова.

– ...Бойся друга, а не врага, – не враги нам ставят рога! (И. Губерман).

Внимание общественности переместилось на Сосунка – Мишку Сибилёва, который нынче находился при должности, по левую руку от жениха. Они дружили с пелёнок, поскольку родители были кумовьями, но это не мешало Сосунку флиртовать с сёстрами. Мишка покраснел, стыдливо пряча глаза...

Сосунком его прозвали потому, что он до четырёх лет не мог расстаться с соской. Родители как-то забрали её и при нём выкинули в печь. Мишка долго ворошил кочергой перегоревшие угли в печи, после чего забрал соску у полугодовой сестрички.

Сосунок был патологическим себялюбцем. Он любил себя настолько, что, казалось, готов был сам себе отдаться, что технически исполнить было крайне сложно. После того, как отрочество приказало долго жить, его любимым занятием стало самолюбование в зеркале. И нечаянный возрастной прыщик на лице наносил тяжёлые моральные увечья его лирической натуре.

Впрочем, иногда наступали моменты, когда его обуревали противоположные чувства: он открыто себя ненавидел. Это происходило, когда он под стрёкот кузнечиков, пение луговых фиалок или тоскливое сопрано влюблённого соловья низвергал из себя то, что опускало на грешную землю. Запахом и всем своим видом оно показывало прозаическое начало бытия, никак не гармонирующее с чем-то возвышенным, трепетным и волнительно-обворожительным.

Сосунок вместе с Жоркой служил в «королевских войсках» – стройбате, однако вернулся в переплетённом аксельбантами мундире, с целой галереей знаков отличия: «Воин-спортсмен» трёх степеней, знак «Гвардия», хотя часть не была гвардейской, «Отличник ВДВ», «Отличный танкист», «Отличник боевой подготовки», «Отличник-морпех».

Он, как доминирующий самец, два месяца шараялся по Атаманску в парадном мундире и белой, в голубую полосу тельняшке десантника, пока над ним не стали откровенно потешаться, называя его «отставной козы барабанщиком», «застуженным сержантом» и «юбилейною копейкой».

Сосунок честно отгулял положенные 60 дней и устроился на МТФ скотником, что вполне гармонировало с его образом, пролетарским происхождением и скудной родословной. Мундир был заброшен в сундук, поскольку плохо сочетался с его скотской должностью...

– Бог шельму метит, – кивнув в сторону друга, шепнула старая Цынриха Нюре, старшей из «трёх девиц». Глаза Цындрихи, казалось, утонули в глазницах, чтобы спрятаться от творящегося в умирающей империи бардака.

Сосунок, дабы нейтрализовать лукавые взгляды на свою персону, с деланным равнодушием принялся уничтожать отливающий золотом кусочек копчёной скумбрии.

Полный рефрижератор слегка подпорченной рыбы привезли днём ранее на свинарник: ту, которая без запаха, работники несли по хатам. Жорке, в связи с событием, дозволено было взять два пуда, поэтому крестьянский деликатес присутствовал даже на столах третьей категории, для гостей эконом-класса, рядом с сараем.

Жульдя-Бандя сделался серьёзным, как на панихиде:

– Помни, ревнивым мужьям жёны изменяют чаще и с удовольствием!

– А Белла своему редко и без удовольствия! – протрубил Упырь, указав на блондинку напротив.

Взрыв смеха разверз пространство. Белла, а с нею рядом Василий, муж-красавец, хохотали, словно речь шла об их соседке.

...Белла жила с ним на первой Беляевке, работала дояркой на МТФ. Была плясуньей и самой голосистой в округе. Однако Господь напрочь обделил её внешностью. Полный ажиотаж пропорций: длинное туловище, короткие кривые ноги, мужские стопы, толстые пальцы на длинных руках, а на тонкой шее – внушительная круглая скуластая голова, походившая на посаженную на кол тыкву. При этом – добродушная, жизнерадостная, с притягательной улыбкой, вовсе не казалась неполноценной или ущербной.

Белла любила Василия всего: целиком и по отдельности. Но противоположные чувства у неё возникали только тогда, когда ей на глаза попадалась незакрытая упаковка с зубным порошком...

Жульдя-Бандя принял всеобщий восторг и веселье только на свой счёт. Сполна насытившись вниманием пролетариев, возгласил:

– Итак, дамы и господа, сегодня мы стали свидетелями того, как молодые, поменяв свободу на традиции, возвращаются в наше конституционное пространство уже в качестве мужа и жены! Примите наши собо... пардон, поздравления и скромный подарок.

Он вознёс стодолларовую купюру, как святыню, подошёл к молодым, нанести официальное вручение.

Шокируя хуторян столь щедрым подарком, поздравитель вручил ассигнацию почему-то невесте. С удовольствием поцеловал её в розовую щёчку, пожав лопухому жениху руку.

– Но это, дорогие граждане и старушки, ещё не всё! – посланник его королевского высочества придал указующему персту восклицательное положение. – Его преосвященство дарует молодым евнуха! – он указал на Фунтика, который на радостях, что не пришлось спасаться бегством, готов был снести даже столь дерзкую шутку товарища.

Близняшки – натуральные блондинки, смеялись, не в силах сдержаться, под напором мощного темперамента непрошеного, но уже столь желанного гостя.

Друзья выпили. Жульдя-Бандя возопил:

– Горько!

Тут, с некоторой заминкой, под балалайку грянул туш. Это было очень забавно, как если бы под балалайку – похоронный марш.

Гармонист Тарзан, который должен был играть с балалайкой дуэтом, виновато улыбался, пытаясь вынуть запавшую басовую кнопку. Справившись, он присоединился, но по причине того, что кнопка запала снова, слышалось монотонное шипение, будто это шипела накопившая на невестку яду Верка Матюхина.

Муся не поспевал за Тарзаном, коему было глубоко на-

плевать на него и на его балалайку, и мелодия больше походила на парафраз. Зато посредством Муси устранялось шипение, издаваемое гармошкой Тарзана.

Муся – Валентин Мусыгин, жил с Мосей – Веркой Мосиной, в Каюковке. Он в совершенстве знал три-четыре десятка аккордов и считал себя лучшим балалаечником всех времён и народов, хотя общественность с ним этого мнения не разделяла.

У Муси был покаты́й, как у шимпанзе, лоб, хотя своей конституцией и повадками он более походил на глупую суетливую макаку. Летними вечерами он частенько выл за двором какую-нибудь безысходно-лирическую, прилаживая слова к известным ему аккордам. Мося в тени лавров Муси, пожиравшего её харчи, чувствовала себя генеральшей, беспрерывно сопровождая его на всех мероприятиях.

Музыкальная дискуссия двух титанов, пожалуй, только вредила, потому что каждый в надежде выделиться лишь гадил хрупкой нежной капризной гармонии.

Среди гармонистов района свирепствовал мор, который в первую очередь выкашивал лучших. Поэтому Тарзан был более востребован и понимал это, что давало ему повод с пренебрежением относиться к балалаечникам и к Мусе в частности.

Жульдя-Бандя, закусив хрустящим ядрёным огурчиком, принял от радушной крестьянки пахнущий дымком кусочек жертвенного кабанчика.

Молодые исполнили свои ритуальные обязанности, но как-то сухо, по-военному, из чего опытному глазу было ясно, что брак не по любви, а из корысти.

Это понимала и Верка Матюхина, сознавая, что её лопоухого прыщавого невеличку сможет полюбить разве что слепая. Она и усердствовала женить Жорку на Татьяне Сильченко, хотя прекрасно знала, что та слаба на передок.

Глава 6. Чудесное превращение Жульди-Банди из непрошеного гостя в тамаду

– Братья и сёстры! Наполним шкалики, чарки, штофы, рюмочки, фужерчики, стаканчики, бокальчики, кружечки экологически чистым продуктом! – взывал Жульдя-Бандя, взвалив на себя обязанности тамады, чем обескуражил Дафнию – Веронику Суржикову, имеющую официальный статус.

Дафния была завклубом в Тарасовке и приглашалась на все организованные пьянки, кроме поминальных, конечно же. Она смолоду, около четверти века, вела свадьбы: по одному и тому же сценарию, поэтому всем заранее было известно её очередное слово или действие.

Дафния страдала комплексом неполноценности. Моральные увечья ей приносила буква «р». Восемнадцатая буква кириллицы выходила у неё какая-то недоразвитая и умягчённо-лирическая, какая выходит у каждого второго еврея, не принося, впрочем, последним никакой ущербности.

Взирая на потуги захватчика, Вероника послала вопросительный взгляд Верке Матюхиной, у которой появилась прекрасная возможность оставить её без гонорара, сэкономив сотенную, а это ни много ни мало месячная зарплата.

– ...А у меня заместо экологически чистого продукта –

обнаковенная самогонка! – улыбаясь, объявил Семён Черезов из Дячек, которого, в совокупности с братом Иваном, называли – братья Карамазовы.

– Вин думав, шо яму выкасу подадуть!

– Рылом не вышел! – ввязались словоохотливые пролетарии.

Хуторяне познали виски через брата Хомя Сашку, который работал в Новороссийском пароходстве и привёз из Сингапура пятилитровую бутылку «Блэк Джека». Вискас никому не понравился, но каждый кичился этим, при случае не забывая похвастаться.

Татьяна Григорьева толкнула локтем в бочину Марихуану:

– Гля, Упырь самогонку компотом запивает.

– Извращенец, – поставила диагноз агронома дочка, залившись со своим неразлучным дружкой визглявым смехом.

Упырь был разбитным, задиристым парубком. Он всегда говорил то, что думает, но не всегда думал, прежде чем сказать, поэтому его иногда били...

– ...А сейчас, дамы и господа, пришло время прощания с наличностью, – тамада сделал скорбное лицо. – И чтобы этот процесс проходил безболезненно, поднимем приборы! – он выждал, чтобы не осталось обездоленных. – Брак, товарищи крестьяне – это пожизненная плата за доверчивость или, если можно так выразиться, рабство по согласию. А согласие,

как сказал механик Мечников из легендарного романа «Двенадцать стульев» – есть продукт при полном непротивлении сторон. Нам осталось это закрепить. За молодожёнов! Горько!

– Горько! – как воинственный клич, подхватили присутствующие.

– «Горько!», господа присяжные заседатели, это не вкусовые ощущения, а призыв к размножению.

Публика снова встретилась с неотразимой улыбкой ведущего.

Молодые поцеловались. Жорка подал глазами знак Сосунку. Он считал за унижение пить шампанское, коим себя потчевали аристократы и очкастые интеллигентки. Сосунок, улучив момент, когда близняшки отвлеклись, строя догадки относительно появления на свадьбе щедрых дарителей, незаметно подмолодил шампанское в его бокале водкой.

Жорка мужественно прихлёбывал и смаковал из бокала, ничуть не выказывая подвоха, при этом заговорщики переглядывались, подмигивая друг дружке.

Это, впрочем, не ускользнуло от внимания сестёр, и поскольку Татьяне на всё это было глубоко наплевать, они сделали вид, что ничего не замечают. Великий конспиратор, однако, и так выдал себя, блаженно похрустывая скрученным в рулетик листиком квашеной капусты.

Сидящие рядом заметили шпионские манипуляции жениха и дружка, и им было приятно сознавать себя свидетелями

полудетективных событий, которые, правда, начались задолго до этого, когда по хутору поползли слухи о том, что Танька Сильва захомутала лопухого Манюню.

– Кушайте, товарищи, кушайте! Харчи нынче дорогие! – напутствовал Жюльдя-Бандя, хотя в этом никто не нуждался. – Авраам и Хана позвали в гости Хаима и Сару, – он, улыбаясь, обнял радушным взглядом присутствующих. – «Кушайте, дорогие гости, кушайте», – наставляет Хана. – «Мы кушаем, Хана, кушаем», – отвечает Сара. – «Вы кушайте, кушайте», – настаивает Хана, меняясь в лице. – «Мы кушаем, кушаем», – отвечает Хаим. – «Нет, вы кушайте, кушайте!» – Хана синееет от злости. – «Мы кушаем, кушаем», – отвечают Хаим и Сара. – «Да вы не кушаете – вы жрёте!»

Марихуана отодвинула от дружка тарелку с мясом:

– Да ты не кушаешь, Хома, ты жрёшь! – и залилась вместе с ним звонким лающим смехом.

Наслаждаясь вниманием к своей персоне колхозников, Жюльдя-Бандя обнаружил Фунтика в плену дородных казачек возраста предынфарктного состояния молодости. Тот, освоившись, по-хозяйски наливал им из графинчика белую жидкость, при этом о чём-то бурно повествуя. Не иначе как об одном из своих последних восхождений на Эверест.

– Наливаем, товарищи, не стесняемся! Между первой, как говорится, и второй...

– А это уже третья, – язвительно напомнила низверженная Дафния, отчётливо понимая, что тягаться с безудерж-

ным темпераментом захватчика ей не по зубам.

– Бог любит троицу, – с лёгкостью парировал тамада.

– Как говорил мой покойный дедушка, Карл Генрихович, «питие определяет сознание...»

– Битие! – поправил Заслуженный враг народа Семён Колодяжный, с высоты прожитых лет имеющий право на собственное суждение в этих вопросах. Его старческое обрюзгшее лицо искрилось живыми пронизательными глазами, а из разлтых ноздрей пытливым венчиком выглядывали седые прутики волос.

Марихуана отвесила Хоме крепкий подзатыльник, подтверждая гипотезу Фуганыча. Оба захохотали, визгливым икающим смехом инфицируя хуторян, среди которых никто не мог спокойно взирать на веселье идиотов. Хома при этом подпрыгивал, как на раскалённой сковороде, всем своим видом подтверждая теорию Дарвина.

В это время конопатая девчушка в цветастом, как у цыганки, сарафане, поднесла на тарелочке рюмку водки и бутербродик с сыром и шпротами. Шпроты при этом по-деревенски были уложены валетом.

Жульдя-Бандя принял рюмку, сверху обустроив бутерброд, с тем чтобы второю рукой было удобнее жестикулировать. Он в который раз светлой христианской улыбкой обвёл присутствующих, остановившись на молодожёнах:

– Брак, дорогие граждане и старушки, это фокус превращения поцелуя в повинность. Самые трудные годы в браке

те, что следуют после свадьбы, поэтому наслаждайтесь жизнью сегодня.

Тамада махнул стопку и, неподдельно скривившись, воскликнул:

– Горько!

Ему на этот раз поднесли первака, который был приторно-сладким и противным, напоминающим мелассу (кормовую патоку) в спиртовом растворе. Только теперь он понял, что «горько» – это не призыв к размножению, а сермяжная правда.

Заглушить горечь удалось только бочковым бурым помидором – кислым, терпким и упругим, который подала сердобольная женщина в красном сарафане, с длинной, до пояса, косой. Уговорив бутерброд со шпротами, Жульдя-Бандя сделался серьёзным, как тёща пред тем, как впервые объявить зятю о том, что выдала дочь за идиота.

– А теперь, дамы и господа, по русскому обычаю, начинаем обряд жертвоприношения... с родителей... жениха.

Верка Матюхина со своим приёмышем Монголом встали. Тот был у неё уже пятым, поэтому его имя возглавляло рейтинг самых упоминаемых в бабских сплетнях возле колодезя. Монгол, коему «разевать пасть» было не велено, глупо улыбался.

Верка, как принято, пустила скупую родительскую слезу:

– Ну, шо – я дарю...

Свадебный распорядитель скрестил руки:

– Стоп, стоп, стоп! Сначала поздравление!

Верка, виновато улыбаясь, будто её застучали с комбикормом со свинарника, продолжала:

– Шоб совет да любовь... И шоб детей родили...

– Штобы в старости было кого содержать, – пояснил Заслуженный враг народа, коему приходилось откармливать 18-летнего внука, которого вытурили из сельхозтехникума за прогулы.

– Шоб было шо пожрать... – Верка не была уличена в красноречии и с трудом находила слова. – И шоб жили не как мы...

– Шоб Татьяна много на себя не брала и не распускала руки! – заполнил паузу Хома, залившись с Марихуаной собачьим лаем.

– Я дарю тёлку, поросят... три штуки, хату возле колодезя... – Верка сделала паузу, чтобы подчеркнуть, что хата в самом престижном районе федеративной Беляевки. К тому же неподалёку от единственного источника питьевого водоснабжения.

Впрочем, если исключить это преимущество, хата – низкая убогая мазанка, которую построили при царе Горохе, стоила пятак и могла считаться только приложением к подарку. К тому же народ, уставший от неблагоприятного рабского труда, стал потихоньку перебираться в город, оставляя и лучшие хаты...

– ...и тыщу рублей денег!.– Верка обвела присутствующую-

щих таким горделивым напыщенным взглядом, будто подарила миллион.

Невеста стукнула лопухого жениха локтем в бок, поскольку дала согласие идти под венец не за «тыщу», а за «тыщу двести». Она покраснела от злости и громко, дабы прилюдно уличить свекруху в обмане, заявила:

– Мама, кажись, мы договорились за тыщу двести, – она всем своим видом показывала, что намерена уйти. – За тыщу пускай Жорка женится на бабе Нюре!

Нюркины дочери захихикали, оставив Фунтика мучиться вопросом о причине смеха.

– Не без шипов прекраснейшая роза, – отметил про себя Жульдя-Бандя.

– А свадьбу играть?! – злобно проскрежетала Верка, наливаясь кошенилевыми брызгами гнева.

Назревал международный скандал местного значения, который, на удивление, сумел отвратить – кто бы вы думали? – Фунтик. Уговорив несколько рюмок, он осмелел окончательно. Встал, привлекая к своей персоне внимание, радушной южной улыбкой озарив сельских тружеников:

– Я дико извиняюсь! Но мы сегодня празднуем отмечать свадьбу, а не за просто так. Зачем нам этот скандалёз? Из-за рыжей бабы драться?!

Верка отправила Фунтику взгляд, наполненный материнской любви и нежности за «рыжую бабу».

Тот небрежно вынул из кармана стопку четвертных. От-

считал десять листиков и поднёс молодой, которая тотчас оттаяла, приняв облик невесты, а не стервы. Фунтик возвращался, провожаемый восторженными взглядами пролетариев, будто ему только что вручили орден Трудового Красного Знамени.

Заметим, несколько поостыл и Ванька Макуха, брат Николая Хмеля, со своими прокурорскими амбициями, у которого уже возникло неодолимое желание набить рожу городскому выскочке за оскорбление невесты. Впрочем, такое же желание у него родилось и относительно Жульди-Банди. Однако пока для этого не было веских оснований, к тому же он, в силу ограниченности мышления, не понимал статуса последнего, как, собственно, и остальные.

– Знать скандала не желала предрассветная Москва (В. Высоцкий), – придал сюжету поэтическое оформление Жульдя-Бандя.

На столе, где гнезвился Фунтик с «тремя девицами», уже стояла покрывшаяся инеем бутылка «Пшеничной» из погреба. Это автоматически переводило его из евнуха в статус VIP-персоны.

– Горько! – радостно завизжал Монгол, нарушая табу, поскольку «разевать пасть» ему было всё-таки не велено.

Верка оставила полрюмки, подчёркивая этим, что за невестку-стерву пить не намерена. Это сразу же было замечено хуторскими бабами для завтрашних сплетен у колодезя.

Штылиха, толкнув локтем в бочину Штыля, прошипела:
– Оставила на слёзы.

Тарзан с Мусей грянули туш. Жульдя-Бандя, дабы исключить поползновение музыкантов ещё на один заход, перекрестил в их сторону руки.

– Минутку внимания, господа! Слово для поздравления предоставляется родителям невесты.

– А родителя моль трахнула! – сообщил интимные подробности Упырь, чем несказанно угодил Жоркиной мамаше, которая за малым рот не порвала злорадной улыбкой.

– Саматари – как би она тебя не тархнула! – вступился за мамашу невесты Ара – Руслан Абрамович Манукян.

Сулико – черноволосая грузинка Тамара Гамбашидзе, которая работала фельдшером в Атаманске, дёрнула мужа за рукав, поскольку рядом был отпрыск, начинающий в этом разбираться. Отпрыска звали Александром, а в народе о нём говорили – «смесь бульдога с носорогом». Он возвращался гремучей смесью трёх религий, что давало ему полное основание глубоко плевать на каждую.

Глава 7. Поздравление тихопомешанного Дон Кихота с первой Беляевки

Тут в проходе появился странный тип. Молодой, высокий, в гимнастёрке поверх мятой, в серую клетку, рубашки, в круглой шляпе, летних солдатских ботинках и с выцветшим искусственным цветком в правой руке. Он какую-то странную походкой, вертя головой, шёл к столикам, покушаясь утвердиться в качестве гостя.

Жульдя-Бандя мгновенно ухватил сюжет и, повернувшись к пришельцу, появление которого обрадовало всех, кроме, разве что, хозяйки – Верки Матюхиной, театрально взмахнул в его сторону рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.